

ПЕВЕЦ ИТАЛИИ

ЭТО НЕ БЫЛО первым знакомством, хотя и было первой встречей. Имя Доменико Модуньо появлялось на пластинках, в радиопрограммах, в журналах и газетах, а его песни уже довольно давно пришли на нашу эстраду. И все же мы не были уверены в том, что живой Модуньо не подведет того, которого мы успели полюбить заочно. Ведь часто бывает и так: приезжает знаменитый певец, и выясняется, что большинство его достоинств связано с достижениями современной техники звукозаписи. Впрочем, нынешние концерты должны были ответить и еще на один вопрос: что же это за новое течение в современной итальянской песне, представители которого именуются «урлатори» — крикунами?

Итальянская песня? В вашем представлении тут же возникают ассоциации с «бель канто», с окутывающей вас мягкой и, как правило, сентиментальной красотой. Но времена меняются, и Модуньо, певец, вышедший из народа, не следует этой традиции. Он не боится резких динамических контрастов, рваных ритмов, неожиданных пауз, не боится иной раз перейти к разговору со слушателями. Он не становится в традиционную позу певца, сложив руки на груди или облокотившись на рояль, — он живет на эстраде, страдает и радуется вместе с вами и заставляет вас страдать и радоваться. Мимика, жесты, пластичные движения тела — весь арсенал актерских приемов помогает ему создавать образы героев песен.

Но главное — конечно, музыка, как и тексты, сочиненная самим исполнителем. В каждой мелодии Модуньо умеет найти множество оттенков, неожиданных модуляций и тембровых красок. Его сильный голос гибок, выразительный диапазон широк. Словно бы оправдывая термин «урлатори», артист смело идет на форсирование звучания, но только когда этого требует содержание песни. Крик, так же как и шепот, органично входит в ткань песен. Однако в основе его искусства лежит мелодия. Истоки ее — интонации народной песни и танца, народной речи. Но вместе с тем в миниатюрах Модуньо нередко возникают даже отголоски оперной классики.

Своеобразный острый ритмический рисунок делает песни Модуньо еще более непохожими на традиционные, но ни на йоту не приближает их к джазу. Аккомпанемент дополняет общую картину: обычный оркестр с преобладанием струнных. Итальянский дирижер и пианист Нелло Джангиротти, дирижировавший игрой московских музыкантов, так чутко понимает все намерения певца, что кажется — он не просто аккомпаниатор, но в какой-то мере и соавтор. А когда Модуньо аккомпанирует себе на гитаре, то впечатление еще сильнее.

Песни Модуньо — бесконечная смена образов и настроений, многие из них — законченные сценки, словно выхваченные из жизни. Вместе с ним мы смеемся над Паскуалино, который неожиданно стал магараджей, уговариваем двинуться с места пьяного ослика, вместе с ним мы «негодует», что неумолимый будильник заставляет просыпаться... Но когда Модуньо рассказывает о тяжелом труде сицилийских шахтеров (в одной из лучших песен — «Шахтер»), улыбка на время покидает зал. А вот «Человек во фраке» — психологическая новелла об одиночестве в шумном большом городе. Тихо бренчит гитара, а человек все идет и идет, не зная куда. Это уже вырастает в символ — как много таких городов, как много еще таких людей, задавленных одиночеством... Модуньо жалеет их, но он не с ними. Он со своими друзьями-шахтерами, с веселой Лацареллой, у него есть родной дом — он поет о нем в чудесной песне «Если судьба захочет», и он не желает его покидать. И поэтому Модуньо волнует и вдохновляет бурная жизнь наших дней. Недаром он завершает свою программу песней «Селена», посвященной полету Юрия Гагарина. В этой песне о Луне все наполнено радостью жизни, ликованием, любовью к людям.

Таково искусство Модуньо. Он мечтал стать кинозвездой, а стал известным певцом. Но главное — он остался самим собой и он действительно хорошо поет.

Л. ГРИГОРЬЕВ,

Я. ПЛАТЕК.

Советская культура
г. Москва

6 ОКТ 1962